Весьма ценная статья наркома просвещения A.В. Луначарского, появившаяся в «Правде» 12 июля 1928 г., в последний день июльского пленума ЦК ВКП(б) в продолжение его выступлений на пленуме, и с тех пор, сколько мы знаем, никогда не переиздававшаяся.

Речь идет о провальной реконструкции технического образования в СССР, предпринятой в связи с начинавшейся «индустриализацией». Реконструкция предполагала и внедрила: резкое увеличение числа подготавливаемых втузами инженеров за счет их узкой специализации, соответствующее дробление втузов по специальностям — отраслям промышленности, сокращение срока обучения во втузах до 3-4 лет путем вытеснения из программ общетеоретической подготовки, а также производственную практику студентов до половины всего учебного времени и пр. Началась реконструкция с передачи втузов от Наркомата просвещения в ВСНХ (Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г., пленумы ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. и 10–17 ноября 1929 г. и др.), и завершилась практически полной отменой всех ее нововведений в 1932-м году (постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах»).

А.В. Луначарский резко и чрезвычайно точно высказывается по основным пунктам намечавшейся «реконструкции». Упоминает также любопытное явление в ее истории — ГЭМИКШ, Государственный электромашиностроительный институт имени (здравствовавшего тогда) Я.Ф. Каган-Шабшая, энтузиаста и пионера этой реконструкции.

Правда № 160 (3992) Четверг, 12 июля 1928 г.

(Нарком просвещения А.В. Луначарский)

Еще несколько слов по вопросу о втузах.

Молодости свойственны увлечения, это хорошо, но ей иногда свойственно несколько путать, это плохо. Соображения эти относятся к двум статьям, подписанным молодыми товарищами, одна в «Правде» – Эйдеманом и Самариным, другая в «Известиях» – К.А. Грантом.

Прежде всего в обеих статьях имеется повторение того изумительно нелепого в глазах каждого здравомыслящего человека обвинения, которое и раньше уже было брошено Наркомпросу. Неумеренные сторонники ВСНХ в ответ на заявление Наркомпроса, что ВСНХ, имеющий полную возможность опереться на ВСУ, на Госплан и на собственные свои сведения, в течение всего истекшего времени не мог дать никаких вразумительных заявок относительно количества необходимых ему разнородных специалистов, отвечают: это верно, но Наркомпрос должен был сам создать такой план! Это-де дело не заказчика, а поставщика!

Нельзя не назвать этого попросту возмутительным. Что-нибудь одно: или создать отвечающий жизненным условиям план вообще настолько трудно, что это превышает силы ВСНХ. И тогда как же можно осмеливаться требовать от Наркомпроса, не ведающего промышленностью, не планирующего ее будущего, чтобы он эту задачу исполнил. Либо задача эта весьма проста, так что даже Наркомпросу, со стороны глядя, можно, так сказать, из пальца высосать более или менее отвечающий действительности план. Но тогда какими же словами нужно определить нежелание или неумение ВСНХ самому выполнить эту простую работу? Всякому партизанству есть свой предел и быть до такой степени партизаном ВСНХ, чтобы оправдать его в этом тяжелом упущении и валить с больной головы на здоровую, это значит самим компрометировать все дело.

Прибавим к этому, что, не добившись ни от кого толку, НКП действительно создал свой собственный план. Когда непосредственно промышленность представила ВСНХ свои соображения о потребности в специалистах на пятилетку, оказалось, что общая цифра заявок промышленности совпала с общей цифрой НКП. Совпали также многие отдельные данные, хотя в некоторых оказалось расхождение. В кратчайший срок после этого, неведомо какими методами, до сих пор не опубликованными, ВСНХ перекроил цифры заявок до неузнаваемости. По ним, например, заявок на инженеров почти вдвое больше. От нас требуют, чтобы мы, составляя план, прислушивались к голосам промышленности. Может быть, мы должны были прислушиваться к этим голосам, т.к.

ВСНХ, который к голосам прислушивался, потом на эти голоса, вульгарно выражаясь, наплевал и сам поставил цифры по каким-то общим соображениям, во всяком случае не по справке о живой промышленности. Мы рады тому, что сейчас вопрос о плановости в этом деле выдвинулся на первое место, мы рады тому, что ВСНХ сейчас этим занимается, но мы до сих пор не уверены, что хотя бы одна цифра из заявок ВСНХ ответит действительной потребности. Все соображения о том, что это трудно определить по разным причинам – верны, но они только освещают ту запальчивость, с какой нападают на НКП, требуя от него выполнить невыполнимое.

Но, не останавливаясь на этом, тт. Эйдеман и Самарин заявляют, что когда Наркомпросу даны будут заявки, то НКП де- никак не сможет распределить правильно студентов согласно им. Основывается это утверждение на совершенно курьезном соображении. Эйдеман и Самарин заявляют: «Количество принимаемых определяется лишь по факультетам, и знать, какую из имеющихся на факультете специальностей изберет студент, Наркомпрос будет в лучшем случае за год до окончания студентом втуза». Ну, так что же? Что хотят этим доказать Эйдеман и Самарин? Во-первых, при приеме студентов каждый год надо будет с первого курса распределять их по основным специальностям с таким расчетом, чтобы прием соответствовал заявкам. В то же время студенты, переходящие с четвертого на пятый курс (или с третьего на четвертый), будут распределяться, опять-таки согласно заявкам, по более узким специальностям. Почему это невозможно? Откуда следует, что студенты могут итти, куда хотят, не будут приниматься в определенных количествах, куда это нужно? Или тт. Эйдеман и Самарин думают, что с распределением по более узким специальностям мы должны будем ждать четыре года, как будто у нас каждый год не имеется и первый курс и четвертый курс? А во-вторых, как же будет действовать в этом случае сам ВСНХ? Повидимому, тт. Эйдеману и Самарину кажется, что для каждой узкой специальности необходим особый вуз или особый факультет. Поздравляю их с такой идеей. Для этого мы, конечно, никогда не напасемся денег. Да и что за нелепая затея. Если студентам всех специальностей нужен некоторый общий фундамент, то, очевидно, общий фундамент им и надо давать сообща. Неужели устраивать десяток физических лабораторий там, где можно иметь одну для десяти узких специальностей? Эйдеман и Самарин говорят: «Студентам по технологии кожи и силикатам приходится слушать все предметы химического факультета, между тем как об'ем знаний хотя бы по органической химии для силикатчика и кожевника должен быть неодинаков». Во-первых, никто не доказал, будто это верно. Известная серьезная химическая подготовка нужна для всякого инженера технолога. Кто может сказать, как повернется завтра кожевенное или силикатное дело, как инженер, страдающий тощей общехимической подготовкой хотя бы по органической химии, приспособится к новым методам работы? Во-вторых, если бы даже можно было доказать, что студент, готовящийся быть силикатчиком, может быть освобожден от некоторой нагрузки по органической химии, то неужели для этого нужно иметь совершенно особый вуз, а не устроить так, чтобы, скажем, с третьего курса или даже со второго, студент, желающий такого рода облегчения, заявил, что он будет готовиться в силикатчики? Трудность есть во всяком деле, но непреодолимых трудностей тут нет. Главное, если они преодолимы для ВСНХ, то преодолимы и для Наркомпроса. Идея же о целевой установке каждого втуза, т.-е. чтобы каждый втуз или хотя бы каждый факультет работал лишь по определенной специальности, без разветвления на высших курсах, есть идея сумасшедшая.

Если бы даже мы сделались настолько богаты, что для множества специальностей сделали бы отдельные втузы, эти специальности начнут вновь дробиться с ростом техники и науки. В этой идее нет ничего кроме простительной для молодости неосмотрительности.

Тт. Эйдельман и Самарин пишут: «В вопросах связи учебной работы втузов с производством Наркомпрос дальше деклараций не пошел. Наркомпрос с этим делом не справился».

Не спорю. Я утверждаю только, что Наркомпрос не справился с этим вследствие отсутствия какой-либо помощи со стороны необходимого в этом отношении партнера – ВСНХ. А что бы вы сказали, тт. Эйдеман и Самарин, если бы мы на основании расследования РКИ научно-исследовательских институтов ВСНХ, которое констатирует полную оторванность их от промышленности, заявили бы: «ВСНХ в деле связи научных институтов с производством ограничился одними декларациями. С этой задачей он не справился. Научно-исследовательские институты ВСНХ должны быть переданы Наркомпросу». Логика тут абсолютно та же.

Теперь о статье тов. Гранта «Характер коренной реформы втузов». Тов. Грант утверждает, что Наркомпрос считает семилетнее пребывание во втузах чем-то самим собою разумеющимся.

Утверждение неправильное. Оно полностью уничтожается следующими фактами. Во-первых, Наркомпрос просто установил, что в довоенное время, когда студенты были почти богаты, когда разрухи во втузах было несомненно меньше, когда профессора и преподаватели получали в три раза большее жалованье, - среднее прохождение курса было все же семилетним. Поэтому Наркомпрос приглашал не ужасаться и не взмахивать руками по поводу этого факта, а постараться понять, какими именно методами можно, не сокращая и не обедняя необходимого для инженера теоретического курса, ускорить выпуск. Во-вторых, Наркомпрос указал в комиссии, на заседаниях которой присутствовал Грант, неопровержимый факт: все студенты МВТУ, где среднее пребывание в учебном заведении равно семи годам, которые получали усиленную стипендию от Наркомпочтеля, кончали курс нормально в 5 лет. В МИИТ, где Наркомпуть установил усиленную стипендию, курс проходится в 5 лет с небольшим. Зачем же тут расшибать себе лоб о разного рода утверждения о «консерватизме» Наркомпроса. Дайте этому консервативному Наркомпросу усиленные стипендии для всех студентов, – и все студенты будут кончать курс в 5 лет; меньше, чем в 5 лет, по большинству специальностей инженера приготовить нельзя. Уже после войны у немцев такие технические высшие школы, как в Мюнхене, Шарлоттенбурге, Карлсруэ, перешли с четырехлетнего курса на пятилетний. Между тем нашему студенту необходимо изучить новый язык, по крайней мере один, на нем лежат неведомые в Германии общественные обязанности, он должен изучить политминимум, он готовится только 9 лет против 10 в Германии, и вы все это хотите втиснуть в 4 или даже 3 года? Практически это не выйдет.

Тов. Грант много толкует о «производственном инженере». Наркомпрос, видите ли, не понимает, что инженер должен быть производственным. Наркомпрос не понимает, что железо должно быть металлическим. Как будто существует какой-то другой инженер, непроизводственный! Инженер может иметь узкую и широкую специальность; инженер может почти не отличаться от техника и может быть руководителем целой отрасли промышленности, но инженер (если он не в отставке и не безработный), который не занимался бы производством, - химера. Беда заключается только в том, что, по-нашему мнению и по мнению подлинных специалистов, больших ученых и крупных инженеров с широким опытом, теоретическая подготовка инженера – вещь сложная и длительная. По мнению же тов. Гранта, тут можно быть крайне беспечным, надо «только натаскать инженера» настолько, чтобы он не болтался без работы на заводе. Тип учебного заведения, прославляемый тов. Грантом, это техникум инженера Кагана-Шабшая [в тексте здесь и далее -«Шапшая»], для которого у Наркомпроса старались вырвать звание втуза. Однако, надо быть совсем наивным человеком, чтобы поверить, что можно создать инженера в двухлетний срок, при условии, что этот инженер четыре дня в неделю работает на заводе и только два дня проходит теорию. Никто этому и не поверит. Даже самые ревностные друзья опыта инженера Кагана-Шабшая, которые хлопочут о превращении его техникума во втуз, поступают по рецепту солдата из известной сказки. Помните, как солдат из гвоздя сварил щи, выпросив у старухи и немножко мучицы, и немножко капустки, и косточку мясца? Так и тут: один из покровителей техникума инженера Шабшая сказал так: «В первую же очередь надо дать им не двух, а трехлетний курс и повернуть пропорцию: два дня работать на заводе, а четыре дня учиться». Это уже немного мучицы, да, пожалуй, и капустки. Остается только прибавить мясную косточку, скажем, - четырехлетний курс с одной четвертью практики, и выйдет нечто похожее на щи, хотя и не очень наваристые. Но тогда надо будет сделать еще одно: выбросить совершенно ни к чему не нужный гвоздь из щей. Так оно, конечно, и будет. Подождем - дождемся. Что касается Наркомпроса, то ему действительно не очень хочется связываться с этой немножко рискованной авантюрой изготовления «инженеров капитана Гранта» (я не знаю, капитан ли тов. К.А. Грант, но если шабшаевский техник – инженер, то почему уважаемый тов. Грант не может быть капитаном?).

Когда мы над подвалом, отведенным тов. Гранту в «Известиях», подымем глаза, мы встречаем продолжение большой серии отзывов подлинных, по-настоящему ученых специалистов. Чтобы не разыскивать слишком много таких свидетельств, — они к тому же читателями «Правды», вероятно прочтены, — приведу только несколько небольших отрывков. Так, например, профессор Стохаров, декан механ. фак. Ленинградского технологического института, пишет:

«Вопрос о том, каких инженеров должны готовить вузы, узких ли специалистов, или же с широким техническим образованием, должен быть решен в пользу широкого образования. Здесь, мне кажется, **не может быть разномыслия**. Надо сказать, что высшая техническая школа и вернее каждый ее факультет и теперь готовит специалистов, но не узких, а с глубокой научной подготовкой. Например, на механическом факультете технологического института, если даже не считать времени

на производственную практику, свыше 20 проц. времени по учебному плану уходит на специализацию. Дальнейшее углубление избранных специальностей возможно лишь в жизни, на производстве.

В настоящее время связь вуза с промышленностью теснее, чем прежде. Защиты проектов в последних государственных квалификационных комиссиях показали, что инженеры, которых мы выпускаем, имеют достаточную научно-техническую подготовку, определенную специализацию и обладают значительным практическим стажем. Многие из них еще в бытность студентами, и в особенности дипломантами, занимали должности мастеров и даже заведывали производствами и имели по окончании втуза 2-4-летний практический стаж. Многие из дипломантов разрабатывали дипломные проекты или по прямым заданиям фабрик и заводов, или по заданиям, которые отвечали требованиям промышленных предприятий».

Проф. Зуев из Харьковского технологического института свидетельствует: «В отношении подготовки студентов-химиков считаю необоснованными раздающиеся упреки о чрезмерном внимании, уделяемом теоретическим предметам. Современная химическая промышленность вообще, и у нас в СССР в частности, чрезвычайно усложнилась. Она базируется уже не на чистой химии, а на физико-химии, которая в свою очередь требует солидных знаний в области математики. Поэтому студенту-химику приходится изучать математику в таких же размерах, как и студенту-механику и электрику. С другой стороны, современный химический завод требует весьма сложной аппаратуры и машин. Таким образом студент-химик, чтобы отвечать современным требованиям, должен иметь широкую теоретическую подготовку».

Наконец, декан одного из факультетов Ломоносовского института присовокупляет: «Мы считаем, что школа должна давать самую глубокую проработку теоретических знаний, раскрывая именно этими теоретическими работами основание практического производства (усвоенного из практики на заводе).

Ведь практика как таковая, ничего не стоит, если не выяснена ее база — теоретическое об'яснение, связанное при теперешней сложности техники с большими теоретическими познаниями. И, упрощая вопрос до схемы, можно сказать: ["]теоретик всегда сможет создать высокую технику, но практик... останется навсегда рутинером и в лучшем случае улучшит винтик, гайку, но не технику".

Кроме практики вне стен втуза, мы считаем необходимым дать возможность втузу проводить **больше работ в учебных лабораториях и мастерских самого втуза**, и для этой цели ВСНХ должен широко поддерживать их».

В отношении этого вопроса между людьми, подлинно знающими современную науку и ее действительную связь с техникой, тут не может быть колебаний в порядке инженерных знаний и умений. Я знаю, что в этом отношении пускают уже сейчас в ход едкое словцо: кастовые-де ученые. Мы очень хотим, чтобы у нас поскорей были ученые некастовые, стремимся к этому. но, допуская даже, что наши ученые сейчас в большинстве кастовые (что, между прочим, неверно) Наркомпрос все-таки предпочитает их некастовым невеждам. С одной некастовостью и с фантазерством насчет возможности приготовить инженера на медные пятаки можно только оказать весьма неважную услугу нашей промышленности.

Но острота этого вопроса несколько отпадает. Мы не знаем, перейдет ли какой-нибудь втуз в ведение ВСНХ, но мы будем чрезвычайно настаивать, чтобы ВСНХ взял в свои руки техникум инженера Кагана-Шабшая вместе с его «капитаном Грантом» и чтобы он доказал нам в течение хотя бы длительного срока все, что он хочет доказать относительно возможности выпустить инженера без теоретических знаний, который был бы подлинным инженером. Мы же предпочитаем заняться коренной реформой втузов на началах внедрения в них, совместно с ВСНХ, широкой практики, не менее, чем десятимесячной (при пятилетнем курсе), и всякого другого их усовершенствования, программа которого в последнее время уже намечена и не встречает ни с чьей стороны возражений.

А. Луначарский